

Когда отступать некуда

Из военного детства

Кресс под вой сирен

В ту первую военную осень воздушные тревоги случались часто в нашем районном городке Старобельске, что в Ворошиловградской области. Фашисты бомбили железнодорожную станцию, которая находилась на западной городской окраине.

«Внимание, внимание! Воздушная тревога, воздушная тревога!» — раздалось из рупора громкоговорителя и послышался пронзительный рёв сирены. Я прибавила шаг, чтобы быстрее добраться до школы, но бомбы падали всё ближе и ближе.

«Девочка, стой! На землю!» — кто-то из взрослых рывком задержал меня и повалил на землю. Гремели взрывы, в домах звенели стёкла, оклеенные накрест газетными полосками, а я лежала, уткнувшись лицом в песчаную почву, прикрыв голову школьным ранцем, посреди улицы рядом с другими людьми. Ряды домиков, хотя и одноэтажных, но со сплошными крепкими заборами, спасли нас от осколков...

Когда я, наконец, прибежала в свой 4-й класс, учительница объявила, что первым уроком будет самостоятельная работа по арифметике. Возможно, Оксана Тарасовна специально изменила расписание, чтобы отвлечь учеников от всего пережитого во время вражеского налёта... И правда, стоило склониться над тетрадкой и начать решать примеры, как всё забылось...

Вдруг открылась дверь в класс и раздался чей-то растерянный голос: «А водичка где же?». Ребята оглянулись: на пороге застыл старичок с большой плетёной базарной корзиной, растерянно перевозящий взгляд со стойки со стеклянными сифонами на чёрную школьную доску возле неё. Ещё недавно, пару месяцев назад, здесь действительно шла бойкая торговля газировкой с сиропами: красным вишневым и жёлтым яблочным. Потом, в сентябре, новую четырёхэтажную школу отдали под госпиталь (раненые всё прибывали с фронта),

а классы распределили по разным районам города, где нашлось хоть какое-то помещение. Нашему классу досталось угловое одноэтажное здание в самом центре города с большой вывеской: «Павильон газированной воды». И теперь нередко среди уроков неожиданно распахивалась входная дверь и жители спрашивали про воду.

Конечно, можно было посмеяться над этими чудачками, не знавшими о таких изменениях, но нам и самим очень хотелось сладкой шипучей водички! Она же бесследно исчезла с началом войны, как и мороженое, конфеты и вообще всё сладкое. Все продукты выдавали теперь только по карточкам, да и то понемногу.

Оставлять пришлось самое дорогое

Война изменила многое и в жизни нашей семьи: ушёл на фронт сын мачехи 19-летний Аркадий, а перед этим изъяли его любимый радиоприёмник, которым он «ловил» модную заграничную музыку. Теперь из чёрной «тарелки» громкоговорителя раздавались совсем другие песни: суровые, мужественные. Слова одной из них — «Смелый дерётся с врагами, жизни своей не щадя!» — Аркадий повторял до самого отъезда. Моего папу, Николая Николаевича, в армию не взяли: когда-то он повредил глаза и теперь носил очки с двойными стёклами. У него тоже отобрали охотничье ружьё и дарственный, ещё с Гражданской войны, револьвер. Лишились мы и просторной квартиры в центре города: до войны наша семья занимала половину красивого одноэтажного кирпичного дома с парадным входом с улицы и с другим, «чёрным», во двор. Всю эту квартиру с натопленными печами пришлось уступить большой группе уставших бойцов, искавших место для ночлега в тот холодный октябрьский день. Погрузив свои вещи на телегу, мы переехали к родственникам мачехи, что жили на дальней окраине города, на пологом

Маленькая Галя

берегу реки Айдар. Здесь всё было застроено невысокими, но опрятными домиками, с тщательно побелёнными наружными стенами. Во дворе стоял небольшой продолговатый флигель — в одной из его комнат временно поселилась наша семья.

Учреждение, где работал отец, должны были вскоре эвакуировать, но отъезд почему-то задерживался, а фронт всё приближался... После уроков, когда я направилась домой, опять началась воздушная тревога: бомбили станцию. Вскоре по радио передали, что наши войска после ожесточённых боёв оставили соседний город. Трудно было поверить, что фашисты захватят и наш город. Беспокоилась я и за отца — он был партийный, а я уже знала, что с такими фашисты расправляются сразу...

Дома я застала мачеху, Марфу Петровну, за сбором чемоданов. Она велела как можно скорее собрать свои вещи и предупредила: никаких игрушек брать с собой нельзя. Я вышла во двор попрощаться с подружками. В соседних домах у меня уже было много друзей, мы часто играли вместе, а теперь предстояло расставание и, возможно, навсегда. Ещё утром я мечтала поскорее уехать, а теперь готова была рыдать от горя...

На рассвете во двор въехал грузовик с брезентовой будкой над кузовом. Там уже на своих вещах сидели женщины и дети — семьи сотрудников отца. Когда мы с Марфой Петровной погрузились, наш пёс Джон, немецкая овчарка, жалобно завыл — мы расставались с ним впервые. Раньше при переездах из одного города в другой мы всегда брали его с собой. В семью он попал маленьким щеночком и вырос

в большого, сильного и умного пса. Вначале о нём заботился, дрессировал Аркадий, а потом, когда он ушёл на фронт, обучением пса охотно занялась я. По команде «барьер!» Джон легко прыгал через забор, приносил брошенные далеко палки и камни, носил сумку с покупками или тяпку, если мы шли на огород. А как интересно было играть с ним в прятки! Куда ни спрячешься, всюду найдёт и так весело лает, мол, выходи! И вечером на улице, и дома одной с Джоном было совсем не страшно. И теперь этого верного друга пришлось бросить...

Отец сел в кабину, и грузовик тронулся под надрывный плач маленьких детей в кузове. Не могла и я удержать слёз... Так невесело начался долгий путь на восток...

Хоровод танцующих детей

Вскоре машина присоединилась к нескольким другим таким же машинам с женщинами и детьми. Эта небольшая колонна старалась как можно быстрее отъехать от города, где опять началась воздушная тревога... Ехали мы в основном по степным просёлочным дорогам, подальше от городов и станций, останавливаясь лишь на ночь в сёлах, посёлках. Ночевать приходилось чаще в школах, сельсоветах, расстелив прямо на столах свои постели. Иногда – и в домах местных жителей, которые принимали нас с большим сочувствием, даже угощали. Здесь многое было уже другим, чем у нас, на Украине. Так, в казачьей станице одна старушка угощала ржаными пирожками с чёрными мелкими ягодами паслёна, которые у нас дома считались несъедобными. Ведь и без них хватало вишнёвых садов возле каждой хаты, только успевай собирать урожай спелой, сочной вишни! В другой деревне я впервые попробовала солёные арбузы – их у хозяев дома была закатана целая кадка.

Да, это была уже Россия, вокруг звучала русская речь, изменилась и местность – всё больше и больше вокруг расстилался степной простор...

Из детей, ехавших в машине, только две девочки, пятиклассница Лина и семиклассница Люда, её сестра, были старше меня. Остальные – дошколята. Двое, ещё совсем маленьких, часто плакали... Я подружилась с Линой, но поговорить удавалось редко – мы сидели в разных углах машины. Всю дорогу я не отрывалась от книг. Вначале

это был «Белый клык» Джека Лондона, который так напоял нашего Джона. Затем – «Жан Кристоф» Ромена Ролана, очень трогательная история о юном музыканте. Чтение отвлекало от тревожных мыслей – все мы боялись вражеских налётов. Особенно страдали от них железнодорожные составы. Так случилось и с составом, вывозившим из соседнего Донбасса эвакуированных детей, женщин, стариков. Были там и старенькие родители моей мамы Марии, умершей пять лет назад. Фашисты полностью разбомбили тот эшелон. Бабушка Елена погибла сразу, дедушка Сергей скончался от полученных ран в госпитале. Обо всём этом я узнала уже после войны...

Нашей колонне грузовиков всё же удалось благополучно добраться до Волги. На пути колонны оказался лишь один крупный областной город. Я раньше много слышала о нём, а вот теперь смогла и увидеть. Сколько там было новых, высоких домов, уютных бульваров! Особенно запомнилась красивая набережная широкой реки и хоровод весело танцующих детей. И хотя это была лишь скульптурная группа в сквере, но они были как живые! Ещё раз этот весёлый хоровод я увидела позже в кинохронике. От той скульптуры и от всего великолепия остались потом лишь чёрные, обуглившиеся развалины, потому что враг всё же добрался до этого города. Его защитники не пустили фашистов дальше и в жестокой битве одолели врага, погнали назад.

Это был Сталинград, ставший символом мужества и героизма советского народа. Город, который осенью 1941 года мне удалось увидеть во всей его ещё не тронутой довоенной красе...

Такие перемены...

Дальше колонна грузовиков свернула на север и стала продвигаться вдоль Волги против её течения. В городе Энгельсе все люди, ехавшие в грузовиках, пересели в товарные вагоны, стены которых изнутри были покрыты толстым слоем льда, и продолжили свой путь дальше, на восток. Наш поезд часто останавливался, давая дорогу встречным составам с частями Красной армии, платформам с военной техникой, покрытой брезентом.

Наконец, мы сошли на маленькой станции Бер-чогур, что в Актюбинской области Казахстана. В затерявшийся в голой заснеженной степи посёлок мы попали уже на санях, запряжённых

верблюдами. В раннем детстве я видела пару верблюдов в зоопарке, здесь же их было много, их использовали как лошадей. Даже смотреть на них было страшно – такие они непривычно большие. А вблизи ещё хуже: вдруг неожиданно с высоты своего роста оплёт зелёной жвачкой! Пугал меня и резкий, пронзительный их крик.

Весь посёлок, куда мы добрались, сплошь состоял из длинных одноэтажных, напоявших сараи, бараков. Деревьев не видно, лишь снежные сугробы вокруг. Приехавших разместили в бараках. Нашей семье выделили одну угловую комнату с плитой.

Школа, куда отец повёл меня на следующий день, тоже находилась в бараке. «Вот твоё место – на предпоследней парте в среднем ряду», – сказала учительница, когда привела меня в класс. Начался урок. Ученики выходили к доске отвечать домашнее задание, затем Татьяна Ивановна объясняла новый материал. Оказалось, что я много пропустила, нужно было как можно скорее догнать остальных, ведь в своей школе я была отличницей, значит, и здесь не должна отставать.

После долгой дороги так приятно было вновь спокойно сидеть за партой, старательно писать в тетради, что я не заметила, как быстро закончился первый урок. Как только учительница вышла из класса, все, как по команде, повернулись в мою сторону. Девчонки подошли поближе, стали заглядывать в тетради, дневник и смеяться. Особенно издевалась одна – невысокая, смуглая, с тёмными косами поверх красной шерстяной кофточки. Я уже видела её вечера: тётя Наташа, с которой мы ехали сюда в одной машине, остановилась со своим маленьким ребёнком как раз в домике родителей этой девочки. Когда я зашла вчера вечером к тётю Наташе, та горько плакала. На мой вопрос, что случилось, она протянула газету, и я увидела снимок девушки на виселице. В статье рассказывалось, как её, нашу партизанку, схватили фашисты, пытали, а потом раздетую, босую повели по снегу на казнь... «Не плачьте, мне не страшно умереть за нашу Родину! Верьте, наши скоро придут, они вас освободят!» – успела крикнуть девушка перед смертью жителям деревни, которых гитлеровцы согнали на площадь. Когда же вскоре бойцы Красной армии выбили немцев из деревни, люди рассказали о мужественной Тане, которая погибла, не выдав своих товарищей-партизан...

«Такая молоденькая, ей бы жить да жить», – причитала сквозь слёзы тётя Наташа, глядя на снимок девушки.

Её рыдания разбудили Вадика: глядя на мать, он тоже расплакался. И мне было очень жалко девушку и страшно: что было бы с нами, если бы мы попали в руки гитлеровцев?

Когда я вышла от тёти Наташи, увидела группу женщин, которые тоже оплакивали участь партизанки Тани. С ними стояла и чёрненькая девчонка в красной кофточке. А сегодня она насмехается надо мной в классе: «Ну, поболтай ещё по-своему, как вчера с нашей квартиранткой!». Неужели это всё из-за того, что мы с тётей Наташей говорили по-украински?

Мальчишки держались поодаль. Только самый рослый, плотный, переваливаясь косолапо, как медведь, шёл между рядов, задевая девчонок, дёргая их за волосы. Те жалобно пищали. Остановившись возле моей парты, он прищурил и без того узкие чёрные глаза на широком скуластом лице и процедил сквозь зубы презрительно: «Я знаю: это полячка! Вот поэтому она так вырядилась!».

С недоумением оглядела я себя: что ему так не понравилось? Как старательно порола я лезвием старый отцовский пиджак, из которого мачеха сшила мне в прошлом году тёплое коричневое платье! И когда добавила ещё чёрный передник и белый воротничок, то стала похожа на девочек со старинной фотографии, с которыми когда-то училась мачеха в школе, открытой дочерью хозяина фабрики для детей рабочих.

Насмешки кончились, когда начался урок. В класс поспешно вошла молодая учительница. А я уже со страхом ожидала следующих переменок, которые тянулись мучительно долго, потому что всё повторялось сначала...

Когда отступать некуда...

Наконец закончился последний урок, и я впервые за весь день встала, чтобы идти домой. Возле классной доски кто-то преградил дорогу. Подняла голову – опять этот «медведь»! Что ему нужно на этот раз? Хулиган вцепился в моё пальто. Я попыталась вырваться – не получилось. С надеждой оглянулась на учительницу, но ту обступили ребята. И тут «медведь» поднял портфель и, размахнувшись, ударил меня по голове! Такого со мной ещё не бывало, и я никогда ни с кем не дралась – зачем? Но теперь подняла

Галина Федоренко. 1950-е

свой ранец повыше и стукнула своего обидчика со всех сил по голове. Тот не ожидал такого отпора. Мой ранец с двумя комплектами книг, привезёнными из Украины и выданными здесь, был намного тяжелее его портфеля. Разозлившись, он ударил ещё сильнее, но и я не сдавалась, не плакала, а отвечала ему тем же. Ещё вчера я была трусихой, боялась темноты, пауков, лягушек, но сейчас знала твёрдо: ни за что не уступлю хулигану! Ведь бесстрашная партизанка Таня не испугалась даже фашистов!

Когда я почувствовала, что его рука стала слабеть, сильно толкнула его и выскочила в коридор. «Медведь» выбежал следом, но ко мне в этот момент подошла пятиклассница Лина, моя землячка.

Дома я ничего не рассказала мачехе, которая вообще мало интересовалась моими переживаниями. Не пожаловалась и отцу, который бы, конечно, не оставил это без внимания – он мог напугать хулигана даже своей военной формой. Но я старалась не говорить с отцом в присутствии мачехи, чтобы избежать её пронзительно ревнивого взгляда и обвинения в свой адрес. Несколько дней после драки у меня сильно болела голова.

После смерти мамы я заметила, что чужие люди не могут сочувствовать моим бедам, как переживала когда-то мама, потому и привыкла нести свои несчастья молча...

Зато в классе надо мной уже никто не смеялся, не замечал и «медведь». Я свободно выходила на переменки и даже начала дружить с девочками. Пропала прежняя робость, застенчивость, как будто с плеч свалился тяжёлый камень. В учёбе я быстро догнала остальных ребят, хотя это было не легко: раньше я училась в украинской

школе, где все предметы преподавались по-украински. Конечно, книги я читала на русском языке, слушала и радиопередачи из Москвы, а вот говорить по-русски, кроме как на уроках русского языка в школе, не приходилось. Многие одноклассники и соседские дети, играя во дворе, говорили на своём родном языке, ведь все приехали из разных концов огромной страны. Но в этой затерянной в степях школе ученики, чтобы понимать друг друга, говорили только по-русски, хоть и с разными акцентами: казахским, украинским, польским.

Однажды «медведь», которого звали Умар, сам подошёл ко мне в классе. «Ну и болела тогда голова у меня!» – смущенно признался он и улыбнулся. Выходит, что он не такой уж и злой? Может быть, этот задира просто хотел обратить на себя внимание?

Заветное слово: домой!

Вскоре настал день, когда я пришла в школу за документами. Наш город в ту первую военную зиму выстоял, остался не захваченным фашистами, и отца вызывали на работу. Он решил забрать меня и мачеху с собой.

Как радостно было узнать, что наш город свободен, и мы туда возвращаемся! Всё, что произошло с нами в занесённом сугробами посёлке, отходило на задний план. О строптивом характере местных «кораблей пустыни» напоследок напомнил ещё раз верблюд, который должен был на санях довести наши вещи до станции. На полпути он остановился и, отплёвываясь, отказался идти дальше, несмотря на все усилия отца. Вот и пришлось мне, чтобы не замёрзнуть, одной, с ранцем за спиной, добираться по степи до станции. И только вечером прибыли туда отец с мачехой: чтобы верблюд сдвинулся с места, отец привёл из посёлка его хозяина. Но и этот случай не заглушил моей радости от предстоящей встречи с родным краем. Он представлялся мне таким, каким был ещё в мирное время: вишнёвый сад у бабушки в селе, парки, стадионы, красивые большие здания, театр, кинотеатры, музеи, Дом пионеров, новая просторная школа... И совсем забылось за несколько месяцев, проведённых здесь, в глубоком тылу, что там, рядом с фронтом, продолжают воздушные тревоги, вражеские налёты, разрушаются дома, гибнут люди...

Галина Федоренко